

УДК 94(470.4)"18/19":394

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88>

О месте и роли этнокультурного фактора в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины России в конце XIX – начале XX века

Г.А. Николаев

Исследователь

Чебоксары, Российская Федерация

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи в переселенческое движение была вовлечена огромная масса людей. Его основной поток был направлен из густонаселенных регионов страны в малозаселенные земельные окраины. Рост численности населения и прогрессирующее малоземелье обусловили отток крестьян и из многонациональной деревни Среднего Поволжья. В региональной литературе данное многосложное явление освещается главным образом в социально-экономическом и социально-политическом ракурсах, что и оправдано, и востребовано. Вместе с тем, поскольку миграции населения, как и многие социокультурные составляющие реальной действительности, несли на себе и отпечаток воздействия этнокультурного фактора, представляется необходимым обратить внимание и на данный сегмент темы, ибо каждой этнической общности присущи свой образ жизни и поведенческий стереотип. Данная статья преследует цель оттенить роль и место национального момента в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины страны. Автор настоящих строк считает, что подобная проекция добавит новые краски в его оценке и понимании. При этом он находит роль этнокультурного фактора хотя и значимой, но, вместе с тем, и отнюдь не определяющей составляющей в механическом движении сельского населения.

Ключевые слова: Волго-Уралье, Сибирь, капитализм, этносы, крестьяне, переселенческое движение, этнокультурный фактор

Для цитирования: Николаев Г.А. О месте и роли этнокультурного фактора в переселенческом движении волжских крестьян на земельные окраины России в конце XIX – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.71–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88>

В региональной исторической литературе переселенческое движение волжских хлебопашцев в конце XIX – начале XX в. освещается преимущественно в социально-экономическом и социально-политическом аспектах. Подобный подход к изучению механического движения населения и ожидаем, и правомерен. Отток жителей с густонаселенных регионов страны в малонаселенные был закономерным процессом и имел своей основой

прежде всего хозяйственно-экономические составляющие. На рубеже веков, как массовое явление, порожденное сравнительно быстрым ростом сельского населения и обострением в этой связи «земельного голода», оно находилось в центре внимания правительства. Более того, в начале нового столетия организация переселений стала составной частью аграрной реформы, вошедшей в историю под названием «стольпинской». В многонациональной и поликонфессиональной стране, каковой была Российская империя, все имевшие в разных сферах жизни общества процессы в той или иной мере были пронизаны и этнокультурной составляющей. Не составляло исключение в данном плане и миграции населения. В этой связи находим правомерным рассмотрение в этнокультурной проекции в выделенный ими отрезок времени переселенческого движения крестьян Казанской и Симбирской губерний. Такой подход призван оттенить новые грани в данном многосложном социокультурном явлении.

Представляется уместным начать погружение в тему с показа масштабов миграции сельского населения на земледельческие окраины страны и этнического состава переселенцев. Отток жителей из средневожских губерний в конце XIX – начале XX в. в имеющихся статистических обследованиях отражен преимущественно только по одному направлению – в азиатскую часть Российской державы. В этот обширный регион в изучаемое время устремлялось до 76,1% всех мигрантов страны [3, с.54]. По неполным данным, за период с 1896 по 1916 г. из Казанской и Симбирской губерний в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и Среднюю Азию выехало соответственно 46 196 и 40 720 переселенцев [подсчитано по: 9, с.14–15; 10, с.14–15]. Отлив мигрантов из региона в губернии Европейской России был в разы меньшим. Ее земледельческие окраины обладали куда меньшим объемом земель, удобных для хлебопашества. Так, в Самарской, Оренбургской и Уфимской губерниях основная часть таковых угодий была освоена переселенцами, в их числе казанцами и симбирцами, еще в предыдущее время [5, с.203–236; 35; 36, с.67–72; 38, с.33–86]. В изучаемый период водворение волжских крестьян на колонизируемые земли Волго-Уралья уже не было массовым, как некогда раньше. Объем пригодных для хлебопашества земель в них почти или в большей мере уже был исчерпан [11, с.134; 31, с.75]. Часть волжских крестьян, как, к примеру, татарский хлебопашец Н Новоуринского сельского общества Царевококшайского уезда Казанской губернии, причисленный в начале XX в. к обществу мещан г. Троицка Оренбургской губернии¹, мигрировала в города².

К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей исторические источники не позволяют установить этнический состав переселенцев.

¹ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф.133. Оп.1. Д.3. Л.127 об.–128.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1562. Оп.20. Д.4. Л.1, 2.

Степень мобильности национальных групп крестьянского населения может быть установлена лишь опосредованно. Полагаем, что таким критерием/показателем может служить доля приписных отсутствующих семей в общем числе наличных и отсутствующих крестьянских семейных союзов. Последняя группа включала в свой состав как временных трудовых мигрантов (отходников), так и переселенцев и потенциальных переселенцев. В частности, по Симбирской губернии экономический строй отсутствующих дворохозяйств в материалах земского обследования 1910–1911 гг. характеризуется следующими параметрами. Из них явствует, что в составе названной категории сельских жителей 35,2% семей являлись безземельными, 49% – сдавали свои наделы и купчие земли в аренду. При этом оставившие место приписки 48,2% мужчин и 3,9% женщин были круглый год заняты «промыслами». Приписное наличное сельское население в названной проекции представляет хозяйства с иным экономическим строем: безземельные – 6,6%, сдающие свои наделные и купчие земли в аренду – 12,5%, занятые круглый год «промыслами» мужчины – 9%, занятые круглый год «промыслами» женщины – 1,1% [подсчитано по: 22–29].

Обычно переселениям крестьян предшествовали «походы» ходоков и отходников. Более того, часть последних де-факто являлась переселенцами. Подобная ситуация предстает, в частности, из корреспонденции жительницы русского села Кургул Спасского уезда Казанской губернии Е.Н. Петровской: «Часть молодежи ежегодно уходит в город за работой и остается там навсегда; кое-кто отправляется со своим мастерством в Сибирь на год, на два, иногда лет на десять с побывками; некоторые, устроившись на новом месте, забирают и семью» [21, с.295]. Еще одно необходимое пояснение. Поскольку в составе мигрантов отходники в разы превосходили по численности переселенцев, постольку полученные нами сводные результирующие показатели будут отражать в первую очередь национальный состав хлебопашцев, отлучающихся на заработки. Вместе с тем, они дают определенное представление и о национальном составе переселенцев, ибо отходничество и переселенческое движение в социально-экономическом отношении принадлежат к явлениям одного и того же порядка.

В Казанской губернии, как можно судить по косвенным данным, чаще были подвержены миграции русские крестьяне. К 1907 г. доля отсутствующих семей в общем числе семейных союзов у них равнялась 9,5%. В порядке убывания данной статистической характеристики следующие позиции за великороссами занимали хлебопашцы из татар – 6,9%, мордвы – 4,7%, чувашей – 1,09%, удмуртов – 1,08%, мари – 0,9% [подсчитано по: 15, с.124]. В Симбирской губернии величина принятого критерия этнических групп крестьянского населения от наибольшего к наименьшему образует во многом схожую цифровую «лестницу»: русские (данные за 1910–1911 гг.; доля приписных отсутствующих семей в общем числе приписных семей) – 13,9%, мордва – 10,5%, татары – 10,4%, чувашаи – 4,7% [подсчитано по: 22–29]. Первую позицию по мобильности и здесь занимают вели-

короссы. Мордва, находящаяся на втором месте, опережает татар лишь на одну десятую процента. Чувашские хлебопашцы, замыкающие названный ряд, уступают и русским, и мордве, и татарам.

Работая в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, мы наткнулись на любопытный документ, объясняющий исход волжских переселенцев на колонизируемые земли страны. В этнографической записке Петра Иванова, написанной в начале XX в., читаем: «Переселились на новую землю (в Томскую губернию. – Г.Н.) чувашши: из с. Бушанча Свияжского уезда [Казанской губернии] – три двора, жившие в смесь с русскими и полуобрусевшие. Причины: главная – малоземелье, и потом *вынудительное отношение к переселению их со стороны русских, также и отношение [к ним] татар в окружности, и господство их в данной местности над чувашами* (курсив наш. – Г.Н.)»³. Крестьяне, водворявшиеся в малозаселенных регионах страны, свое решение покинуть малую родину и перебраться в неведомый прежде край практически всегда объясняли недостатком земли. В качестве дополнительного толчка, вынуждавшего их решиться на такой кардинальный шаг, иногда ими указывалось на отсутствие в местах приписки выгонов и лесных участков, на плохое качество обрабатываемых земель, на рост арендных цен на сельскохозяйственные угодья, на частые неурожаи хлебов, на изобилие оврагов на полях, на обременительность содержания многочисленных мостов и гатей, а также на прочие обстоятельства данного ряда [13, с.44–45]. В свете фрагмента текста приведенного нами документа, как видим, перечень сопутствующих причин, толкавших землепашцев на переселение, был шире. Отчасти он был вызван и этнокультурной составляющей – притеснением их на малой родине этническими соседями.

Здесь представляется уместным небольшое пояснение, касающееся взаимоотношений крестьян разных национальностей в Средневолжском регионе. В эпоху капиталистической модернизации волжские этносы вступили, имея в своем социокультурном багаже богатый опыт добрососедских отношений. Их связывали контакты и связи самого разного плана. Члены этнических общин совместно проводили мини-ярмарки, приглашали друг друга на свои традиционные праздники, предоставляли путникам-иноплеменникам стол и кров, при общении друг с другом, оказывая почтение их традициям и культуре, переходили на язык партнеров, вместе разрешали возникающие сложные жизненные ситуации и т.д. Случалось, что они вступали между собой и в брачные союзы [19, с.70–290]. Крестьяне разных национальностей тесно контактировали и в хозяйственно-экономической сфере. Подобная картина была характерна прежде всего для местностей, где они проживали по соседству. В исторических источ-

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.177. Л.643.

никах полно свидетельств об этой стороне их отношений⁴. В местностях компактного расселения этносов межэтническое взаимодействие обеспечивал собой главным образом торгово-промышленный люд из великороссов и татар-мусульман⁵.

Вместе с тем отношения разнонациональных аграрных социумов на Средней Волге включали не только тенденцию сближения – а она была преобладающей, но и дистанцирования. Появление инонациональных и иноконфессиональных хлебопашцев в своем сельском обществе или ближайшей округе крестьяне не всегда воспринимали позитивно. В итоге в части таких местностей между ними возникали неприязненные отношения, которые, случалось, в эпоху рыночных реалий имели своим следствием отселение групп семей в другой населенный пункт [7, с.76]. В дореформенное время в аналогичной ситуации, бывало, и жители всего населенного пункта переселялись в другую местность [8, с.141]. В конце XIX – начале XX в. в некоторых этнически и конфессионально смешанных селах и деревнях дистанцирование этнических партнеров друг от друга приводило и к учреждению автономных в административном и земельном отношениях сельских обществ [18, с.55–68]. В контексте всего сказанного упоминание современника неприязненных отношений с этническими соседями в качестве сопутствующей причины, толкавшей уроженцев волжской деревни на переселение в Сибирь, не выглядит неожиданным, а тем более надуманным свидетельством. Трения между членами разнонациональных аграрных социумов на волжской земле имели место, но не везде они приобретали остроту и сравнительно быстро гасились вовлеченными в них сторонами.

Миграция населения имела своим следствием взаимодействие различных хозяйственных систем, этноконфессиональных пространств и этнических менталитетов. Она объективно не могла быть абсолютно безболезненным процессом. И пересаженное на другой участок деревце, лишь переболев, дает новые побеги. Конфликтное начало в переселенческом движении было приумножено и тем обстоятельством, что оно неразрывно было связано с проводимой правительством национальной и аграрной политикой. Обычно лишь пройдя сквозь череду испытаний самого разного рода, мигранты налаживали привычный ритм жизни на новом месте. Случалось, что в течение длительного времени они вынуждены были жить на навязываемых им инонациональным окружением условиях, считаться с их обычаями и царившими в их среде нравами.

Обратимся к составленной в начале XX в. священником Стефаном Ефремовым историко-этнографической рукописи – она также хранится в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных

⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф.39. Оп.1. Д.246. Л.36.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.174. Л.67.

наук, где автор, опираясь на сохранившиеся документы – «целую связку довольно ветхих полуистлевших бумаг», изложил историю с. Ефремкино (Денисово) Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Начало названному населенному пункту положили чувашские хлебопашцы Самарской губернии, переселившиеся в 1780 г. к башкирам по договору о припуске «по недостатку к извороту своей пахотной земли и других угодий». Заключенная сделка оказалась неудачной. Выяснилось, что новоселы купили спорное владение. Расплата за проявленную беспечность не заставила себя долго ждать: в 1781 г. «башкиры деревни Тюкуновой лишили их [переселенцев] собственных домов, скота и птиц, разграбили у них разные вещи, избили их и прогнали с той земли». Последовал новый договор с башкирами на водворение в «пустолежащем и никем не заселенном урочище». И поселившись на выделенном им месте, чувашаи продолжали терпеть от окрестного населения разные «оскорбления и обиды». В 1795 г. новоселы «за плату по десяти рублей с каждой души» приписали в свое сельское общество соплеменников из Казанской и Симбирской губерний, оставивших прежнее место жительства в поисках лучшей доли. По всей видимости, данный шаг ефремкинцами был сделан для облегчения тяжести возложенной на них башкирами «дани»: ежегодных плат скотом, птицей, яйцами, водкой, вином и деньгами. Лишь в пореформенное время в связи с размежеванием башкирских земель поборы с ефремкинцев пошли на убыль: «с 1870 г. чувашаи сняли с себя некоторую тягость»⁶.

Описанная служителем православного культа Стефаном Ефремовым «система кормления» на башкирских землях, как видим, благополучно перешагнула с XVIII – первой половины XIX в. в эпоху капиталистической модернизации. В распоряжении исследователей имеются и другие свидетельства, подтверждающие эту ситуацию. Так, начало пос. Семеновский Стерлитамакского уезда Уфимской губернии было положено в 1890 г. уроженцами русских деревень Симбирской губернии. Ранее их ходами были высмотрены и заторгованы душевые наделы жителей д. Сабашево площадью 530 дес. по восемь рублей на следующих условиях: «одну половину денег уплатить при написании приговора, а вторую – при совершении купчей». В 1892 г. башкиры получили часть причитающейся суммы: им было уплачено «по шесть рублей за десятину». Но оформление купчей крепости на земельное владение затянулось на целых пять лет: мигранты никак не могли добиться высылки с родины увольнительных свидетельств. В свою очередь для их выдачи сельские общества Симбирской губернии требовали от выехавших хлебопашцев предоставить им купчую крепость на приобретенное владение. Получался замкнутый круг. За это время переселенцы четыре раза съездили к землякам. Но все они не принесли никакого результата. Тупиковая ситуация разрешилась лишь после вмешательства местного земского начальника. В 1897 г. долгожданная

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.256. Л.17–13.

купчая крепость сторонами, наконец, была оформлена. Но из-за продолжительного оформления сделки мигранты понесли чувствительные финансовые издержки. Только на «темные» – угощения продавцов земли и преподношения им всяких подарков – они потратили сумму, которая составила до «пяти рублей за десятину» [17, с.216–217]. В 1894 г. в данном же уезде сорвалась согласованная с башкирами сделка жителей русско-мордовского поселка Ключевский на покупку земли площадью 801 дес. по шесть рублей. Выходцы из Симбирской губернии – в населенном месте они составляли большинство, и трех других губерний страны, проживающие в нем, не сочли возможным удовлетворить требования продавцов уплатить сверх причитающихся им денег еще «темных» в сумме 200 руб. [17, с.135]. Подобная «система кормления» башкир на Урале получила сравнительно широкое распространение [1, с.341–342].

Но втиснув отношения башкир и новоселов в крыловскую антитезу «Волк – Ягненок», мы донельзя исказили бы реалии действительности. В хозяйственно-поведенческом плане и мигранты не являлись «ангелами во плоти». В пореформенное время в числе лиц, путем обмана и насилия расхищавших башкирские вотчинные владения, были и водворившиеся к ним из других губерний хлебопашцы, включая и средневожские. Укажем лишь на один подобный случай. В 1878 г. великороссы с. Елшанка Сызранского уезда Симбирской губернии в числе 25 домохозяев в Орском уезде Оренбургской губернии сняли в аренду у генерала Москвина участок земли в 1 200 дес. на шесть лет «по 33 коп. за десятину в год», на котором основали хутор Симбирский. Вскоре к ним присоединились еще 40 семей земляков. В 1884 г., изучив царившие в среде башкир порядки и нравы, симбирцы взяли в аренду у них участок 5000 дес. за 300 руб. в год на 12 лет, на котором основали еще одно населенное место – хутор Ново-Симбирский. Окрестные башкиры, «побуждаемые нуждой и голодом», сами стали просить их купить у них хотя бы часть арендованного участка. Новоселы не упустили столь благоприятную возможность нажиться за счет этнических соседей: было куплено 1500 дес. земли, которые обошлись им вместе с «темными» всего в 2 руб. 50 коп. за каждую десятину. Причем даже они выплачивались продавцам не столько наличными, сколько всякой рухлядью – старой одеждой и обувью, ненужной сбруей и т.п. В 1893 г. симбирцы приобрели у башкир еще один участок в 581 дес. Новая собственность обошлась им вместе с «темными» «рубля по три за десятину». Втридорога сбывались башкирам великороссами старые седла, полушубки и прочая всякая всячина [4, с.367–372]. Естественно, и новоселы, и старожилы, вовлеченные в хозяйственно-бытовые трения, награждали своих компаньонов хлесткими эпитетами, затрагивающими и их национальную принадлежность. Так, уфимских и оренбургских соплеменников, прибегающих в повседневной действительности к обману, воровству

и мошенничеству, чуваши Казанской и Симбирской губерний причисляли к числу лиц, «сильно зараженных башкирством»⁷.

Стена отчуждения между новоселами и старожилами и в Сибири водилась и первыми, и вторыми. Хотя и не всегда, в ее основе лежал прежде всего хозяйственно-экономический фактор. Так, в пос. Чебаксы Тобольского округа одноименной губернии, основанном выходцами из Казанской и Вятской губерний, на почве земельных отношений имели место взаимные побоища пришлого и местного населения [33, с.36]. Свысока, «обнаруживая даже некоторое ненавидство», относились старожилы к новоселам и в пос. Покровский Тобольского округа одноименной губернии. Выходцы из Мамадышского уезда Казанской губернии, проживающие в нем, вынуждены были отрабатывать вдвойне за взятые у них в долг деньги, хлеб, скот и сельскохозяйственный инвентарь [33, с.67].

Новопоселенцы, особенно представленные выходцами из разных административно-территориальных единиц, далеко не всегда находили общий язык в районах вселения и с собратьями по хозяйственно-экономической операции. Именно такая ситуация наблюдалась, к примеру, в пос. Наумовский Томского округа одноименной губернии: «внутри общества установились очень дурные отношения». Он был основан переселенцами в 1890 г. Спустя четыре года в нем стали проживать 68 семей мигрантов Вятской, Казанской, Курской, Пензенской, Пермской, Тамбовской и Тобольской губерний. Большинство в их составе являли собой выходцы с Волги, представленные 42 семейными союзами. Крестьянами, добравшиеся сюда первыми, были захвачены «все лучшие и достаточно близкие к усадьбам пашни». Более того, прибывшим после них хлебопашцам они «не давали косить и рубить лес» [13, с.76, 81]. И в данном случае, как видим, в основе трений лежит все тот же извечный хозяйственно-экономический интерес.

Но дистанцирование выходцев разных губерний от старожилов и друг от друга в местах водворения происходило и из-за принадлежности сторон к разным этническим общинам. Весьма показательна в этом плане ситуация, связанная с основанием пос. Беловодское Мариинского округа Томской губернии. Населенный пункт возник в 1890 г. Его первыми жителями стали переселенцы из четырех губерний Европейской России: Курской – 71 семья, Орловской – 14 семей, Самарской – 1 семья, Казанской – 1 семья. В составе новоселов 71 семья представляла русский этнос, 4 – украинский, 2 – чувашский. Вскоре в поселке появились новые семьи мигрантов. В частности, в 1892 г. в нем перезимовала два десятка семей чувашских крестьян, добравшихся сюда из селений Буинского и Симбирского уездов Симбирской губернии. Новоприбывшим чувашам местный чиновник разъяснил, что они могут водвориться в среду жителей населенно-

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 281. Л.18; Ед. хр. 283. Л.40–43.

го пункта, если получают от них приемный приговор. Но симбирцы, по-видимому, нашли последнее пустой формальностью и начали ставить себе избы в поселке. В итоге самоуверенность и легкомыслие обошлись волжанам ощутимыми социально-психологическими и хозяйственно-экономическими издержками. Когда их срубы были почти готовы, поселковцы объявили новоприбывшим свое решение: в приеме в состав сельского общества отказать. Причем оно было мотивировано именно национальным моментом: «Мы хохлы (украинцы. – Г.Н.), вы не русские, согласия не будет». Все 16 изб, построенных ими, курыями и орловцами были изъяты и переданы своим землякам из числа прибывших новых переселенцев [12, с.259]. Вслед за своими сородичами вскоре покинули поселок и его основатели из чувашей, не пожелав жить в среде высокомерных великороссов и малороссов. Еще один подобный пример. Попытка десяти семей марийских и чувашских крестьян Казанской губернии водвориться в 1893 г. в основанный русскими хлебопашцами Вятской губернии пос. Петровский Тарского округа Тобольской губернии также не удалась из-за нежелания русских крестьян жить по соседству с «инородцами» в одном населенном пункте [33, с.8]. На рубеже XIX–XX столетий география этнической конфликтности в Российской империи включала именно зоны взаимодействия этнокультурных пространств: Нижнее и Среднее Поволжье, Южное Приуралье, юг Западной Сибири, Приморье [16, с.91].

В свете имеющихся исторических источников высвечивается еще одна любопытная ситуация, имеющая прямое отношение к рассматриваемой теме. В начале XX в. чувашские крестьяне, мигрировавшие в Сибирь с башкирских земель, дистанцировались от соплеменников, перебравшихся в этот суровый край из Казанской и Симбирской губерний. В частности, как сообщает священник Григорий Тимофеев, в Щегловском уезде Томской губернии – в с. Тапа и его округе – они не посылали сватов к волжским сородичам, объясняя это тем, что в отличие от них «они темны»⁸. К себе в местах водворения они принимали башкир и сородичей из Башкирии. В свою очередь и переселенцы из Казанской и Симбирской губерний не особо жаловали соплеменников из Уфимской и Оренбургской губерний: находили их «дикими». В основе подобного поведения чувашских мигрантов из Поволжья и Приуралья на сибирской земле, как представляется нам, лежит этноконфессиональный фактор. В конце XIX – начале XX в. в синкретизированном религиозном сознании башкирских чувашей языческий и мусульманский пласты занимали куда больший вес, чем у их волжских соплеменников [34, с.237–240]. В изучаемый период, хотя и не все, но очень многие из уфимских и оренбургских чувашей, были потомками сородичей, перебравшихся туда с волжских земель в предыдущие века с целью избежать крещения. Это обстоятельство, естественно, не могло не сказаться на поведенческом стереотипе их потомков, перенявших от предков языческие обычаи и традиции. На месте водво-

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 281. Л.39.

рения – и в дореформенное время, и в пореформенный период, и позднее – этническими соседями чувашей, как, к примеру, в Бижбулякском приходе Белебеевского уезда Уфимской губернии, где, согласно свидетельству местного служителя православного культа, «все чувашские деревни» были «окружены татарскими и башкирскими селениями» [20, с.61], очень часто были приверженцы ислама. В результате, тесно контактируя с ними в житейско-бытовой сфере, многие чуваша стали жить на башкирский или татарский лад: общаться на языке этнических партнеров, петь их песни, посещать мечети, родниться с мусульманами и т.д. [20, с.50, 123, 149, 186–203]. Что касается миссионерского дела, то оно в Среднем Поволжье, по-видимому, было поставлено лучше, чем в Приуралье. Так, чувашский священник Андрей Петров-Туринге, перебравшийся из Симбирской губернии на новое место службы в Уфимскую губернию, нашел, что «татарская сила в действительной жизни Казанского края действует» не столь смело и публично, как в Уфимском. В последнем он чувствовал себя «совершенно подавленным господствующим духом мусульманства» [20, с.203].

В «стране березового ситца», как с любовью величал свое Отечество великий русский поэт С.А. Есенин, с ее множеством народов и народностей, перемещение из одного региона в другой объективно имело своим следствием для пришельцев погружение в иноязычную, а часто – и в иноконфессиональную среду. Перспектива оказаться в чужой этнокультурной среде для переселенцев умножалась и обстоятельствами внешнего плана. Исходя из геополитических задач, правительство нередко прибегало к регулированию этнического состава переселенцев [6; 32]. Для отдельных территорий подобная мера оборачивалась искусственным усилением этнической пестроты населенных мест в местах водворения мигрантов. Так, законом от 15 апреля 1896 г. властям Тобольской и Томской губерний (кроме Алтайского горного округа), а также Степного и Иркутского генерал-губернаторств, правда, с оговоркой «по возможности», предписывалось, чтобы прибывавшие на их территории нерусские переселенцы были включаемы в состав сельских обществ из мигрантов русского происхождения [30].

«Великий незнакомец», как образно назвал хлебопашца британский социолог, один из создателей современного крестьяноведения Теодор Шанин, был не только великим тружеником, но и великим прагматиком. По жизни он хорошо знал, что в среде соплеменников ему будет комфортнее и в социально-психологическом, и в социально-экономическом, и в житейско-бытовом, и в семейно-брачном отношениях. Именно поэтому крестьяне стремились в колонизируемых районах влиться в состав сельских обществ, где проживали их сородичи и единоверцы. Так, в годы реализации столыпинской аграрной реформы, как установлено Г.Т. Бакиевой и Ю.Н. Квашниным, в Ялуторском и Тюменском округах Тобольской губернии в деревни сибирских татар водворялись переселенцы из татар, проживавшие в Казанской и Симбирской губерниях [2, с.160–161]. В тех же случаях, когда не представлялась возможность приписаться к сопле-

менникам, хлебопашцы старались попасть в среду чужаков в составе мини-групп⁹. О выраженной тяге переселенцев к сообществу соплеменников свидетельствует и следующий факт. Относительно равные по численности этнические группы новоселов, даже хорошо ладившие между собой, в основанных населенных пунктах, тем не менее предпочитали селиться на своих особых улицах – концах. К их числу принадлежит, в частности, пос. Ново-Панфиловский Барнаульского округа Томской губернии. Начало ему в 1882 г. положили выходцы Курской, Рязанской, Симбирской и Харьковской губерний. Став членами одного сельского общества, живущие в согласии великороссы, украинцы и мордва, все же решили жить каждая в собственном конце [37, с.316].

Для отдельных семей новоселов пребывание в иной этнокультурной среде стало и вовсе непреодолимым испытанием. Так, семья чувашского крестьянина д. Токшик Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Петра Шкалева в составе девяти человек, причисленная в конце 1897 г. в пос. Новогеоргиевск Томского округа одноименной губернии, с вселением в населенное место уроженцев восьми других административно-территориальных единиц европейской части страны, которым были присущи «свои порядки и обычаи», сочла, что в обществе чужаков, им, как чувашам, «жить невозможно» и настало время вернуться к волжским берегам. Очевидно, еще большим внешним толчком к принятию ими столь кардинального решения послужило то обстоятельство, что двое взрослых сыновей домохозяина никак не могли найти себе брачных партнеров в округе: «невест-чувашек нет поблизости, а русская не пойдет». 20 июля 1900 г. глава семейства подал прошение в Министерство внутренних дел о причислении себя и других членов семьи в родное сельское общество, откуда он выехал в Сибирь¹⁰. Как видим, и отток переселенцев с мест водворения на прежнюю малую родину отчасти был обусловлен этнокультурным фактором.

Разумеется, преувеличение степени воздействия этнокультурной составляющей повседневной действительности на механическое движение сельского народонаселения столь же неприемлемо, как и его оставление «за кадром». В конце XIX – начале XX в. активно осваивавшиеся мигрантами губернии и области Российской империи не входили в число административно-территориальных единиц с самым высоким уровнем этнической конфликтности [16, с.74, 91–92]. Районы, где оседала основная масса переселенцев, отличали наличие значительных массивов неосвоенных земель и относительно низкая плотность населения. Такая их специфика не могла не способствовать сравнительно безболезненному разрешению большинства хозяйственно-экономических и прочих трений между старожилами и волжскими новопоселенцами. Более того, и имевшие здесь меж-

⁹ ГИА ЧР. Ф.53. Оп.1. Д.1513. Л.4, 4 об., 5, 5 об.; Ф.67. Оп.1. Д.987. Л.1–7.

¹⁰ ГА РМЭ. Ф.67. Оп.1. Д.102. Л.6, 6 об.

ду ними неприязненные отношения со временем, случалось, кардинально менялись – они перерастали в толерантные, добрососедские [33, с.498].

Конечно же, водворение пришлого населения в среду коренных жителей Урала, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока и других регионов далеко не всегда имело своим обязательным следствием житейско-бытовые и этнокультурные коллизии. Новоселы пос. Никулинское Каинского округа Томской губернии, «главную массу» которых составляли русские бывшие помещицы крестьяне Карсунского уезда Симбирской губернии, к примеру, очень тепло отзывались о местных старожилах: «дают им под работу все необходимое – хлеб, лошадей, сохи и т.д.» [14, с.8, 10]. В 1890 г. в Загваздинскую волость Тобольского округа одноименной губернии прибыла первая партия переселенцев в составе 56 семей из Казанской губернии, представленная марийскими и чувашскими крестьянами. Лишь спустя два года им удалось получить разрешение на поселение в местности Услон, расположенной в глухом урмане за р. Иртыш. Через год в поселке, получившего название Казанский, была поставлена первая изба. Между пришлым и местным населением сложились толерантные, прагматические отношения, основанные на учете интересов друг друга. Старожилы сужали новоселов без процентов деньгами и хлебом, в свою очередь новоселы нанимались к ним на полевые работы. Хорошо ладили переселенцы и между собой. В ближней и дальней округе трудолюбивые выходцы с Волги вскоре приобрели известность выделкой гнутой мебели из черемухи. Изготовленные мари и чувашами стулья получили распространение по всему Тарскому округу [33, с.1–3]. И крестьяне с. Балабаш-Баишево, д. Бахтигильдино, д. Бюртли-Шигали, д. Кокшаново, д. Сидели, д. Янгильдино Буинского уезда Симбирской губернии, переселившиеся в 1910 г. в Верхне-Осинский улус Балаганского уезда Иркутской губернии, очень быстро сумели найти общий язык с местным окрестным населением. Установив с бурятами тесные контакты, новоселы стали снимать в аренду у них земли для посева. Об этнических соседях чувашские хлебопашцы отзывались очень тепло: находили свои отношения с ними братскими¹¹.

К изложенному выше в качестве обобщения, пожалуй, может быть приведено следующее очень тонкое наблюдение современника, прибывшего из Средней Волги в Сибирь. Чувашский священник Георгий Тимофеев правомерно заключает, что в конце XIX – начале XX в. Азиатская часть Российской империи «в старом смысле» переживает кризис и очень рационально перекраивается «на новый европейский лад»: «здесь всякого звания люди живут, дружатся и друг друга не корят»¹². Тем самым косвенно им подчеркнут и переплетение этнокультурного фактора с переселенческим движением.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.177. Л.713.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр.281. Л.17, 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2003. 381 с.
2. *Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н.* Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С.156–164.
3. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграции населения в России в XVIII – начале XX века (численность, структура, география) // История СССР. 1984. С.41–59.
4. *Волгин Ал.* Село Ново-Симбирское // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. №26–27. С.367–375.
5. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
6. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С.39–53.
7. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Вып. 2. Лаишевский уезд. Казань: Тип. губернского правления, 1895. 115 с.
8. *Износков И.А.* Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т.1, отд. 1. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1887. С.116–148.
9. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно) / сост. Н.Турчанинов. Пг., 1910. 85 с.
10. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / сост. Н.Турчанинов и А.Домрачев. Пг., 1916. 81 с.
11. *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 198 с.
12. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. XXV, 348, 177 с.
13. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. [6], 140, 81 с.
14. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т.1. Ч.3. СПб.: Тип. Безобразова и К°, 1896. [6], III, 150, 337 с.
15. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Вып. 13. Казань: Литотип. И.Н. Харитонова, 1909. 305 с.
16. *Куприянов А.И.* Этническая конфликтность в России: 1881–1904 гг. // Мировосприятие и самосознание русского общества. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. Вып. 4. М., 2003. С.74–94.
17. *Михайлов В.П.* Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа: Тип. губернского правления, 1897. [2], XII, 282 с.
18. *Николаев Г.А.* Документы о формировании в социальном пространстве чувашско-татарских населенных мест Симбирской губернии автономных сель-

ских обществ и земельных общин во второй половине XIX – начале XX в. // Га-сырлар авазы – Эхо веков. 2023. №1. С.55–68.

19. *Николаев Г.А.* Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 416 с.

20. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авторы вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 496 с.

21. *Петровская Е.Н.* Из жизни крестьян села Кургул // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1910. Т.26. Вып. 4. С.295–342.

22. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 2. Алатырский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1913. С.2–73.

23. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1913. С.2–113.

24. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 4. Буинский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–121.

25. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 5. Карсунский уезд. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1914. С.2–129.

26. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 6. Курмышский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–113.

27. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 7. Сенгилевский уезд. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К^о, 1914. С.2–73.

28. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1. Симбирский уезд. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К^о, 1915. С.2–73.

29. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 8. Сызранский уезд. Симбирск: Тип. А.П. Балакирщикова, 1914. С.2–145.

30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗ РИ-1). Т.XVI. №12777.

31. *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2002. 314 с.

32. *Сидельников С.М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд-во МГУ, 1980. 288 с.

33. *Станкевич А.* Материалы для изучения быта переселенцев, водворившихся в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 год). Историко-статистическое описание 100 поселков. Т.1. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1895. V, 541 с.

34. *Сухарева И.В.* Историко-культурное развитие чувашей Башкортостана (XVIII – начало XX века). Уфа: Башк. энцикл., 2019. 488 с.

35. *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала: II половина XVIII – I половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.

36. *Усманов Х.Ф.* Крестьянская колонизация Башкирии в пореформенный период // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С.67–112.

37. *Швецов С.П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1884 г. описа-

ние переселенческих поселков. Т.4. Вып. 2. Барнаул: Типолит. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. [8], 559 с.

38. Ягафова Е.А. Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 369 с.

Информация об авторе: Николаев Геннадий Алексеевич, кандидат исторических наук, исследователь (Чебоксары, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-1443-545X; e-mail: nicga50@rambler.ru

Поступила 24.03.2025

Принята к публикации 25.04.2025

On the place and role of the ethnocultural factor in the migration movement of Volga peasants to the agricultural outskirts of Russia in the late 19th – early 20th centuries

G.A. Nikolaev

Researcher

Cheboksary, Russian Federation

In the late 19th – early 20th centuries, a huge mass of people were involved in the migration movement in the Russian Empire. Its main flow was directed from densely populated regions of the country to sparsely populated land outskirts. Population growth and progressive land shortage caused the outflow of peasants from the multinational village of the Middle Volga region. In regional literature this complex phenomenon is highlighted mainly in socio-economic and socio-political perspectives, which is both justified and in demand. At the same time, since population migration, like many socio-cultural components of reality, also bore the imprint of the ethnocultural factor, it seems necessary to pay attention to this segment of the topic, because each ethnic community has its own way of life and behavioral stereotype. This article aims to highlight the role and place of the national moment in the migration movement of the Volga peasants to the land outskirts of the country. The author of these lines believes that such a projection will add new colors to his assessment and understanding. At the same time, he finds the role of the ethnocultural factor, although significant, but, at the same time, by no means a determining component in the mechanical movement of the rural population.

Keywords: Volga-Urals, Siberia, capitalism, ethnic groups, peasants, migration movement, ethnocultural factor

For citation: Nikolaev G.A. On the place and role of the ethnocultural factor in the migration movement of Volga peasants to the agricultural outskirts of Russia in the late 19th – early 20th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.71–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.71-88> (In Russian)

REFERENCES

1. Apkarimova E.Yu., Golikova S.V., Minenko N.A., Poberezhnikov I.V. *Rural and urban self-government in the Urals in the 18th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 2003. 381 p. (In Russian)

2. Bakieva G.T., Kvashnin Yu.N. Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2013, no.3 (22), pp.156–164. (In Russian)

3. Bruk S.I., Kabuzan V.M. Population migration in Russia in the 18th – early 20th centuries (number, structure, geography). *History of the USSR*. 1984. Pp.41–59. (In Russian)

4. Volgin Al. The village of Novo-Simbirskoye. *Orenburg diocesan news*. 1907, no.26–27, pp.367–375. (In Russian)

5. Dimitriev V.D. *Chuvash historical traditions: Essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the 19th century*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1993. 446 p. (In Russian)

6. Dyakin V.S. The national question in the domestic policy of tsarism: (early 20th century). *Questions of history*. 1996, no.11–12, pp.39–53. (In Russian)

7. Iznoskov I.A. *List of populated areas of the Kazan province, with a brief description of them*. Issue 2. Laishevsky district. Kazan: Provincial government Publ., 1895. 115 p. (In Russian)

8. Iznoskov I.A. List of inhabited places of the Mamadyshsky district. *Proceedings of the Fourth Archaeological Congress in Russia, which was in Kazan from July 31 to August 18, 1877*. Vol.1. Section 1. Kazan: Imperial University Publ., 1887. Pp.116–148. (In Russian)

9. *Results of the resettlement movement from 1896 to 1909 (inclusive)*. Compiled by N. Turchaninov. Petrograd, 1910. 85 p. (In Russian)

10. *Results of the resettlement movement from 1910 to 1914 (inclusive)*. Compiled by N. Turchaninov and A. Domrachev. Petrograd, 1916. 81 p. (In Russian)

11. Kabitov P.S. *Agrarian relations in the Volga region during the period of imperialism (1900–1917)*. Saratov: Saratov University Publ., 1982. 198 p. (In Russian)

12. Kaufman A.A. *Economic situation of settlers settled on government lands of Tomsk province*. Vol.1. Part 1. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1895. 177 p. (In Russian)

13. Kaufman A.A. *The economic situation of migrants settled on government lands of the Tomsk province*. Vol.1. Part 2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1895. 81 p. (In Russian)

14. Kaufman A.A. *The economic situation of the displaced persons settled on the state lands of the Tomsk province*. Vol.1. Part 3. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Publ., 1896. 337 p. (In Russian)

15. *Peasant land ownership of the Kazan province. A summary of the province*. Issue 13. Kazan: I.N. Kharitonov's Publ., 1909. 305 p. (In Russian)

16. Kupriyanov A.I. Ethnic conflict in Russia: 1881–1904. *Worldview and self-awareness of Russian society. Mentality in eras of upheavals and transformations*. Issue 4. Moscow, 2003. Pp.74–94. (In Russian)

17. Mikhailov V.P. *Migrants and the resettlement case in the Sterlitamak district of the Ufa province*. Ufa: Provincial government Publ., 1897. 282 p. (In Russian)

18. Nikolaev G.A. Documents on the formation of autonomous rural societies and land communities in the social space of the Chuvash-Tatar settlements of the Simbirsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2023, no.1, pp.55–68. (In Russian)

19. Nikolaev G.A. *The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th century*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2022. 416 p. (In Russian)

20. *Education and Christian enlightenment of the Chuvash of the Volga-Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries: documents and materials from the collections of N.I. Ilminsky and the Kazan Teachers' Seminary*. Compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov. Cheboksary: Chuvashia State Institute of Humanities Publ.; Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2023. 496 p. (In Russian)

21. Petrovskaya E.N. From the life of peasants of the village of Kurgul. *Bulletin of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University*. 1910, vol.26, issue 4, pp.295–342. (In Russian)

22. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 2. Alatyrsky district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1913. Pp.2–73. (In Russian)

23. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 3. Ardatov district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1913. Pp.2–113. (In Russian)

24. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 4. Buinsky district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–121. (In Russian)

25. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 5. Karsunsky district. Simbirsk: Provincial government Publ., 1914. Pp.2–129. (In Russian)

26. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 6. Kurmyshsky district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–113. (In Russian)

27. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 7. Sengileevsky district. Simbirsk: M. Ivanov and Co. Publ., 1914. Pp.2–73. (In Russian)

28. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 1. Simbirsk district. Simbirsk: M. Ivanov and Co. Publ., 1915. Pp.2–73. (In Russian)

29. *Household census of the Simbirsk province of 1910–1911*. Issue 8. Syzran district. Simbirsk: A.P. Balakirshchikov Publ., 1914. Pp.2–145. (In Russian)

30. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 3. Vol.16, no.12777. (In Russian)

31. Rodnov M.I. *Peasantry of the Ufa province at the beginning of the 20th century (1900–1917): social structure, social relations*. Ufa: DesignPoligrafServis Publ., 2002. 314 p. (In Russian)

32. Sidelnikov S.M. *Agrarian policy of the autocracy in the period of imperialism*. Moscow: Moscow State University Publ., 1980. 288 p. (In Russian)

33. Stankevich A. *Materials for studying the life of migrants who settled in the Tobolsk province for 15 years (from the late 70s to 1893). Historical and statistical description of 100 villages*. Vol.1. Moscow: Society for the distribution of useful books Publ., 1895. 541 p. (In Russian)

34. Sukhareva I.V. *Historical and cultural development of the Chuvash people of Bashkortostan (18th – early 20th century)*. Ufa: Bashkir encyclopedia Publ., 2019. 488 p. (In Russian)

35. Tarasov Yu.M. *Russian peasant colonization of the Southern Urals: second half of the 18th – first half of the 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 175 p. (In Russian)

36. Usmanov Kh.F. Peasant colonization of Bashkiria in the post-reform period. *Pages of the history of Bashkiria*. Ufa, 1974. Pp.67–112. (In Russian)

37. Shvetsov S.P. *Materials on the study of places of settlement of settlers in the Altai district. Results of a statistical study in 1884. Description of settler settlements*. Vol.4. Issue 2. Barnaul: Main Directorate of the Altai District Publ., 1899. 559 p. (In Russian)

38. Yagafova E.A. *Samara Chuvashes (historical and ethnographic essays). Late 17th – early 20th centuries*. Samara: IECA Povolzhye Publ., 1998. 369 p. (In Russian)

About the author:

Nikolaev Gennady Alekseevich – Cand. Sci. (history), researcher (Cheboksary, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-1443-545X; e-mail: nicga50@rambler.ru

Received March 24, 2025

Accepted for publication April 25, 2025